

18+

АНГЕЛ ХАДЖИПОПГЕОРГИЕВ
ИВА НЕВЕЛИНОВА

ЖЕНЩИНА МЕЖДУ СЕКУНДАМИ

ФЭНТЕЗИ-РОМАН

**Ангел Хаджипопгеоргиев
Невелинова Ива
Женщина между
секундами. Фэнтези-роман**

<https://litres.ru/74150074>

ISBN 9785007004916

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«Женщина между секундами» — необычный и смелый литературный проект, родившийся в результате совместной работы двух писателей. Это переплетение психологического реализма, напряженного эзотерического триллера и элементов магической литературы.

Мира Вален, — женщина, чья жизнь кажется обыденной, пока не раскрывается ее дар «проникновения» через фотографии уже умерших женщин, позволяющий ей воспринимать прошлое не как иллюзию, а как совершенно осязаемую физическую и эмоциональную реальность.

Содержание

Женщина между секундами	5
Ива Невелинова	6
ОТ РЕДАКТОРА	7
Введение	9
Запись между кадрами	14
Пауза между двумя кадрами	16
Эзотерика	19
Первая встреча	22
Онайда	24
Клиент	29
Визии	37
Возвращение образа	40
Профессор	43
Теодора и Илья	47
Воспоминание о другой жизни	50
Доктор Елена Вальд	56
Лекция	62
В студии	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Женщина между секундами

Фэнтези-роман

Ангел Иванов
Хаджипопгеоргиев
Невелинова Ива

© Ангел Иванов Хаджипопгеоргиев, 2026

© Невелинова Ива, 2026

ISBN 978-5-0070-0491-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Женщина между секундами

Фэнтези-роман

Авторы

Ива Невелинова
и
Ангел Хаджипопгеоргиев
2026

ОТ РЕДАКТОРА

Никогда не представляла себе, что приму участие в так называемом авторами «Эксперименте двух энтузиастов», в котором участвуют хорошо известный в литературных кругах и утвердившийся с годами писатель Ангел Хаджипопгеоргиев и молодое дарование Ива Невелинова, которой ещё предстоит завоевать сердца читателей. Но эта книга — не просто эксперимент тандема с огромной возрастной разницей. «Женщина между секундами» — оригинальная идея, вобравшая в себя безграничность человеческого потенциала и реальные отношения между героями. Способность героини входить в жизнь людей через фотографию определённо привлекает внимание. Только речь здесь идёт не об обычной фотографии, а о такой, что очень старая, что возвращает назад во времени, когда, становясь перед объективом, ты собирал в себе всю свою боль, все свои мечты, весь свой жизненный опыт. Поэтому старые чёрно-белые фотографии с пожелтевшими краями несут в себе такую тайну, говорят, кричат и завораживают. Сегодня мы привыкли смотреть на снимки с вульгарным содержанием, показывающие нам поджатые губы и безликий взгляд, но на самом деле не говорящие ничего существенного, что могло бы запечатлеться в вечности. Они отражают пустые души, жаждущие внимания, потому что у них есть всё, но этого катастрофически недо-

статочно, раз оно не может быть оценено. Когда у тебя было право на одну-единственную фотографию в жизни, тогда и вся твоя жизнь умещалась в неё и говорила через неё.

Мне выпала привилегия быть редактором этого захватывающего романа, хотя он и не нуждался в редакции. Я ни в коем случае не позволила себе изменять существенные части текста, чтобы не повредить и не исказить рукопись. Авторы, безусловно, имеют что сказать нам — и сделали это интересным и волнующим образом. Надеюсь, книга найдёт свой путь к сердцам читателей, потому что это история, которую стоит читать и перечитывать.

ЖЕНИ ЩЕРЕВА

Введение

Есть некая необъяснимая аура вокруг выцветших фотоснимков. Они никогда не се отдават на пълна забрава, дори когато хартията хване жълтеникав оттенък и краищата им се разместят от формата. Они хранят застывшую светотень, давно утонувшую в сумраке, но всё ещё искрящую на серебрястой эмульсии. В них закодированы моменты, словно дыхание на холодном стекле, которое не двигается, не заговорит, а просто ждёт чьего-то взгляда, чтобы быть замеченным. Утверждают, что фотография не просто запечатлевает видение, а лёгкость воспоминания о нём. Что она не доказательство жизни, а особый след её затухания. Каждый кадр — как телескоп, направленный назад. Не для того, чтобы пересчитать даты в календаре, а чтобы уловить ту неуловимую эманацию, в которой жизнь прервала своё движение. Когда всматриваешься в чьё-то лицо из прошедшей эпохи, ты видишь не просто человеческое существо. Ты заглядываешь во время, в котором оно ещё дышало, но ощущаешь и то, что уже не является прежним. В старых фотографиях улавливается какая-то особая обрывочность. Специалисты называли бы её «Молчанием пережитой драмы», потому что каждый образ — это шок для того, что мы называем «Временность». Эта фиксация прерывает непрерывный поток окружающего мира и вырывает один миг из течения, чтобы положить его

на сухой берег. Там и остаётся образ. Голый, немой и беззащитный, под взглядом тех, кто увидит его спустя время. И в этом скрыто нечто довольно суровое, даже жестокое. Потому что кадр — одновременно поглаживание и пощёчина. Он приближает нас к ушедшему, но в самом акте финала уничтожает его без капли милосердия.

Одна из ранних теорий о фотографической магии гласит, что каждый запечатлённый образ продолжает жить во вспышке, которая его поймала. Серебряные частицы поглощают ту сущностную, нематериальную часть снимаемых субъектов, а не только их световую проекцию в объективе. Если это правда, тогда старые фотографии — не просто напоминания о конкретном событийном моменте. Это заключённые человеческие начала, нечто вроде воображаемых стартов какого-то абстрактного бытия. Это оторванные кусочки человеческой души, кристаллизовавшиеся в фотонной пыли памяти. Возможно, поэтому рассматривание таких образов часто несёт оттенок вины. Мы вглядываемся в глаза, которые уже не могут ответить нам той же живостью зрачков. Мы подглядываем через невидимую замочную скважину в мир, который не гостит в нашем «Сегодня». И нам кажется, что лица на снимках меняются, что выражение их преобразуется под нашим взглядом. Может быть, так и происходит. Возможно, фотография не полностью инертна, а просто делает вдох от напряжения самого существования. Или же ждёт кого-то, кто «откроет» её, чтобы воспринять по-но-

вому. А некоторые уверяют, что фотография — это форма, заменяющая бессмертие. Но это скорее вводящее в заблуждение утешение, самообман и суггестивная надежда. Фотография скорее маркер отсутствия вечности, чем обещание таковой. Это увиденная смерть. Миг, в который движение остановилось, чтобы быть воспринятым визуально и не только. Вопрос чувствительности. Вероятно, именно в этом её глубокая человечность, её истинность и особая перспектива. Потому что она содержит боль, но и совершенство. Не слишком радостный конец, но зато застывшую на бумаге нежность, доводящую порой до сенильности.

Каждый старый фотоальбом функционирует как музей личных откровений. Между страницами мы находим не только визуальные данные, но и остатки запахов, звуковые ассоциации, даже ощущение изменения температуры воздуха. Запах химикатов и фотобумаги переплетается с ностальгией по пережитому, а каждое открывание альбома лёгкое смещение во временном потоке. Мы не просто смотрим на снимки. Они по-своему наблюдают за нами. Иногда узнают нас. Иногда ждут нашего осмысления. Творцы, общественные анализаторы, философы... Все они пытаются объяснить, почему человек вообще занимается запечатлением объектов. Одни утверждают, что мы делаем это, чтобы победить смерть. Другие считают, что так мы пытаемся обуздать хаос жизни. А может быть, причина проще и уязвимее: мы снимаем, потому что боимся забвения. И потому что не увере-

ны, что что-то реально, если мы не закрепили его в папке визуального документа. Пожелтевшие кадры, однако, не хотят быть лишь доказательством. Они желают быть порталом или хотя бы стеклом особого окна. Это осколки чьих-то мечтаний, отпечатки взглядов, которые всё ещё ищут путь в мир живых. Они стоически терпеливы и молчат, пока ты не обвиешь их вниманием. Лишь тогда они словно оживают. И у тебя остаётся ощущение, что в этот момент наблюдатель не ты, а кадр смотрит на тебя тем древним, вековым взглядом человека, который помнит будущее.

Фотография парадокс и особая магия. Она превращает мимолётность в отпечаток, а отражённую тень — в вечный памятник. Каждый заснятый миг живёт своей двойной жизнью. Той, что была, и той, что продолжается в сознании зрителя. И, возможно, поэтому некоторые лица не исчезают полностью сквозь эпохи. Они находят способ появиться вновь, повториться даже, переродиться в иной форме в другой женщине, другом мужчине или ребёнке. Старые фотографии мистические зеркала, хранящие воспоминания. Они не просто отражают их. Они сохраняют саму сущность мира, какой она была в миг вспышки. Настоящую, хрупкую и удивлённую этим же мигом. И если всматриваться дольше, увидишь, что в них есть тепло, вибрация, мысль о том, что ничто не исчезло окончательно. Оно просто перестало общаться временно.

Возможно, поэтому некоторые люди ощущают фотогра-

фии каким-то своим загадочным способом. В тишине архива, когда воздух неподвижен, а пылинки танцуют балет в фильтрованной люминесценции, можно уловить нечто вроде тихого разговора. Не слова, а особые вдохи между ними. Кто-то назовёт это фантазией, другой — извращением. Я называю это памятью. Памятью, закодированной в фотонах. Потому что каждый кадр это прошлое, которое отказывается сдаться забвению. И каждый, кто вглядывается в него внимательнее и дольше, становится частью того времени. Превращается в призрак светотени, которая когда-то была вполне настоящим и живым человеком...

Запись между кадрами

...(звук нажатой кнопки, короткое шуршание ленты)

Час 2:14 после полуночи. Тик-Так спит, свернувшись, как старая тайна на подоконнике, как изношенные часы без стрелок, которые путешествуют во времени, не зная, куда направляются. Иногда он дёргает лапой, будто пытается догнать какой-то сон, опоздавший на встречу, которой никогда не будет. Передо мной разложены фотографии. Те самые из коробки, найденные после долгих тёрсений в комод, как остатки прошлого, которое ещё дышит, всё ещё живо в пыли и химикатах. Я смотрю на них и думаю, что каждый человек живёт дважды: один раз когда он был реальным, и второй, когда кто-то посмотрит на него на снимке. Иногда я думаю, не лучше ли быть запомненной, чем понятой.

(короткая пауза, звук лёгкого перелистывания)

Вот эта — женщина в шляпе, вероятно, из 50-х годов. Её улыбка такая хрупкая, будто разбилась при первой же вспышке, когда свет оборвался. Когда я смотрю на неё, мне кажется, что её лицо начинает смотреть на меня в ответ, как зеркало, которое меняет зрительный ракурс. И тогда мне кажется, что мы меняемся местами: я становлюсь образом, а она превращается в наблюдателя. Все эти снимки как оттенки чужих воспоминаний, случайно поселившихся у нас. Когда я держу их, мои руки немеют, и, возможно, это электри-

чество того времени, которое ещё не поняло, что прошло, что ему уже нет места среди нас.

(глубокий вдох)

Сегодня я снова думала о профессоре. О тех фотографиях в университете, где свет лампы в студии был как метафизическая любовь. Он никогда не падал одинаково. Возможно, поэтому он держал меня неподвижной, пока настраивал объектив, будто хотел уловить не меня, а тот миг, когда время ещё союзник. Иногда, когда я одна, я задаюсь вопросом, не живу ли я в забытой фотографии, которую кто-то так и не проявил. Может быть, поэтому я записываю. Голос моя последняя связь с реальностью, финальный мост к существованию между двумя секундами.

(тишина, мурлыканье кота)

Если однажды кто-то услышит эти записи, пусть ищет меня там, где свет уже не фактор, потому что я всё равно буду. Как чистая искра, без формы и без времени. Там, где я только сущность, отражённая в вечности.

(щелчок, запись прекращается)...

Пауза между двумя кадрами

...Иногда я спрашиваю себя, существую ли я по-ту сторону того, что вижу через объектив. Возможно ли, что человек лишь отражение того, что наблюдает?

По утрам, когда открываю глаза, я не уверена, действительно ли пробуждаюсь или просто возвращаюсь в кадр, который остался слабо освещённым ещё со вчера. Дневной свет скользит по стенам ателье и останавливается на моём лице так, будто не узнаёт меня. В этом городе без имени, без края и без направления время липкое. Оно пульсирует в уличных деревьях, тротуарах и витринах, но никогда не иссякает полностью.

Я работаю дизайнером визуальных архивов, что бы это ни значило. Иногда шучу, что я реставратор чужих снов. Получаю старые фотографии, негативы, вырванные из альбомов или из чьего-то прошлого, и восстанавливаю их. Не спрашиваю, откуда они, не хочу знать, чьи это лица. Просто смотрю, очищаю, усиливаю взгляд, возвращаю им дыхание, отдаю им частицу своей души. Потом позволяю им уйти обратно в своё безвременье. Люди думают, что это просто работа с изображениями, но я знаю, что это работа с памятью и даже с призраками. Иногда, когда слишком долго смотрю на одно лицо, чувствую, что оно начинает стирать меня или поглощать. В такие моменты говорю себе, что должна остановить-

ся. Но не останавливаюсь. Потому что есть что-то притягательное в том, как жизнь возвращается в чьи-то зрачки.

Тик-Так единственный, кто меня понимает. Когда я прихожу вечером, он встречает меня без вопросов. Просто сворачивается рядом и начинает слушать. Возможно, он чувствует, что в моём голосе больше фотографий, чем слов. Каждый раз я говорю ему. Говорю, что не уверена, здесь ли я потому, что хочу быть под этим особенным фонарём, или потому, что кто-то проявил меня в это время, как проявляют снимок в тёмной комнате. Кошки знают о тишине больше, чем люди. По крайней мере, я так думаю, даже уверена.

У меня есть клиенты. Или, по крайней мере, так я называю людей, которые приносят мне фрагменты своего прошлого. Некоторые любопытны, другие отчаянны. Они хотят, чтобы я восстановила чей-то образ: ребёнка, которого больше нет, или женщину, которая когда-то их любила. И пока работаю над этими лицами, чувствую, что узнаю их. Не знаю откуда. Их взгляды как голоса, которые я уже слышала. Я никому об этом не говорю. Ну, не совсем никому...

С тех пор как я ушла из университета, я научилась молчать. Там всё было шумом — прожекторы, проекты, преподаватели, амбиции. Помню профессора по художественной фотографии, того, который смотрел на меня так, будто видел во мне больше, чем я сама могла вынести. Он говорил, что я аналоговый человек в цифровом мире, и доказал это на деле. Возможно, он был прав. Возможно, поэтому я всё ещё верю,

что свет имеет память. Пауза тоже...

Где-то внутри меня ощущается пустое место, но не как отсутствие, а скорее как ожидание. Будто есть нечто, что должно случиться, чтобы началась моя настоящая жизнь. Не знаю, придёт ли это извне или родится во мне. Думаю, это произойдёт в миг, когда я сниму то, что не поддаётся съёмке. Что-то вроде тишины между двумя моментами или чей-то взгляд, который ещё не встретил свой объект. До тех пор я буду продолжать исправлять чужие фотографии, разговаривать с Тик-Таком и включать диктофон, когда слова становятся слишком тяжёлыми, чтобы оставаться только во мне.

На улице снова пошёл дождь. Дождь как проявитель, который раскрывает очертания мира, не придавая ему смысла...

Эзотерика

Иногда мне кажется, что чувства это не двери, а бездонные пропасти. Я смотрю, чтобы не видеть. Слушаю, чтобы не слышать то, что приходит изнутри. Я знаю это, потому что долго пыталась упорядочить свои внутренние окна, которые открываются не к реальности, а к её спомину.

Был период, когда я читала о гипнозе, о техниках, при которых учишься не покидать состояние полусна. Говорят, что человек может программировать свои сны, направлять их, как луч света. Я пыталась верить, но у меня это не получалось. Я не управляла снами, они выбирали меня. Входили в моё сознание с яркостью прожектора и освещали вещи, о которых я даже не подозревала. В большинстве случаев они уходили, оставшись незамеченными. Как в глубоких слоях гипноза, где всё тёмная пелена.

Когда я читала книги Кастанеды о контролируемых сновидениях, чувствовала, что его слова не совпадают с тем, что испытывала я. Потому что у меня не было контроля. Не было воли. Были только быстро проходящие образы, как кадры старого фильма, чьи плёнки обгорели по краям, а сцены переплетаются и распадаются. Это мои спонтанные сны. Не те, что приходят ночью, а те, что появляются в сознании, пока я бодрствую. Молниеносные вспышки другого сознания, проходящие сквозь меня, чтобы оставить короткий след, как

экспозиция на сетчатке. Часто это случается, когда я рассматриваю старые фотографии. Особенно те, что никому не принадлежат. Они не о моих родителях, не рассказывают о моём прошлом, не о близких, это лица незнакомцев. И чем более незнакомы они, тем сильнее я их чувствую. С ними будто могу общаться. Я вижу их во сне, на улицах, в отражениях витрин. В них есть что-то от меня, а во мне что-то от них. Я не понимаю, как это происходит. Может быть, это тот процесс, который называют «онирофильм»? Когда сон проецируется за пределы сознания и превращается в единую картину. Я и камера, и зритель, и кадр. Я пыталась сделать то же самое с родителями. У меня есть их фотографии. Несколько, выцветшие, с размытыми краями. Иногда я ставлю их под лампу и пытаюсь войти в них так же, как в лица незнакомцев. Но не получается. Будто они меня не допускают. Вглядываясь в их глаза, я вижу барьер. Холодный, непробиваемый, неутешительный. Может быть, где-то они живы. Может быть, именно поэтому. Мёртвые принимают присутствие сознания, а живые — нет. Со живыми нельзя сливаться, потому что у них ещё есть будущее.

А в будущем нет места повторению.

Это самое странное, что ощущение близости приходит только там, где время отсутствует. Или где оно в иной форме. В иной скорости восприятия. Там, в застывшем моменте, где я слышу, как секунды вращаются вокруг меня. Они говорят вещи, которые я не до конца понимаю. Слова без

смысла, но полные присутствия. Разбросанные мысли в художественном беспорядке, который всё же логичен. Может быть, это и есть настоящий гипноз. Не тот, в который вводит кто-то, а состояние, в которое попадаешь сам, неумышленно или вполне осознанно. Как медленная дрема в сердце дня, как кадр, который продолжает двигаться даже после конца фильма. Когда это происходит, я чувствую, как что-то отделяется от меня. Тонкая кожа между мыслью и телом. Тогда начинается настоящее видение, не только предметов, а того, что их связывает. Я вижу пустоту между ними, как слышится пауза между двумя тонами, как пиксели между двумя кадрами.

Иногда мне кажется, что именно там я и живу — между двумя снимками, между двумя секундами, между двумя вдохами. И, возможно, именно там, в этом безвременье, меня ждут все те, кем я когда-то была...

Первая встреча

...Звон. Тонкий, металлический, настойчивый звук, как пробивающийся луч света в тёмной комнате. Сначала мне кажется, что это часть сна. Сон всегда звонит, когда пытаешься удержать его слишком долго. Потом понимаю, что это телефон. Тот старый аппарат с треснувшей трубкой, который звучит так, будто пришёл из прошлого.

Я поднимаю:

— Да! — мой голос выходит с лёгким сонным рассеиванием.

— Мира? — голос на другой стороне звучит знакомо, будто кто-то из другой жизни ищет меня.

— Да, слышу тебя. Хотя не уверена, откуда именно.

— Вероятно, из тысячи километров шума или просто из офиса, — говорит он. В его голосе всегда слышится лёгкий сарказм, которым он прячет усталость. — У тебя есть свободный час сегодня?

— Свобода, слово, которое постоянно меняет значение. Но да, есть.

— Хорошо. Я пришлю к тебе человека. Первого.

— Человека?!

— Клиента, если хочешь более профессионально.

Лёгкое потрескивание в линии, затем голос становится ниже:

— Я сказал ему, что ты можешь помочь. Что видишь то, чего другие не замечают.

— Я ничего не «вижу», Илья. Просто фотографии говорят мне всё.

— Ну, именно это ему и нужно. Он принесёт фотографию. Из тех, что не забываются, даже если их сжечь.

В трубке его дыхание похоже на далёкий поезд. Я думаю, что Илья всегда звонит в моменты, когда я не полностью в этом мире.

— Илья, кто этот человек?

— Узнаешь. — Илья слегка кашляет, потом тише: — И не смотри ему долго в глаза!

— Почему?

— Потому что иногда люди держат фотографии, которые ещё не созданы. Встретимся после заката. Архив снова открыт допоздна?

— Архив работает, Илья. А вот я, не уверена.

Лёгкий щелчок. Линия обрывается. Но звон остаётся в комнате, будто что-то внутри меня всё ещё звенит...

Онайда

Запомнила я это не просто как обычное воспоминание, а как целую кинопроекцию, разворачивающуюся внутри меня. Моё первое «погружение» в фотографию, первое проникновение в чужую сущность было как внезапный переход через портал, который всегда существовал там, невидимый, лишь ожидающий моего прикосновения. Тогда я ещё не осознавала важность происходящего. У меня не было нужных слов, чтобы описать феномен, ни представления о том, что это лишь начало чего-то, что навсегда перевернёт мои представления о действительности. Осмыслит и одновременно искалечит моё будущее. А оно могло быть совершенно обычным, ничем не отличающимся от будущего нормальных девочек, только вступающих в женственность.

Мне было всего двенадцать, я сидела одна в комнате перед каким-то заплесневелым коробом, полным старых фотографий моих родителей. Пожелтевшие, со смятыми краями, некоторые с временными пятнами, другие без надписей, без привнесённых спомени, без голосов ушедших времён. Просто образы, вырванные из чьей-то чужой жизни, похожие на сухой лист, который уже не связан со своим деревом. Аромат прошлого и старой бумаги был как дыхание невидимых присутствий, окутывающих меня странным образом, словно магическим облаком. Каждая фотография бы-

ла чем-то вроде ключа к чьему-то завершённомu бытию, но и дверью, которую никто давно не открывал. Пока я их перебирала, чувствовала, как пространство вокруг меня меняется. Тени на стенах удлинялись, будто само время вытянулось, чтобы коснуться меня. Скрип досок под коленями отозвался как далёкий ударный инструмент, отмеряющий ритм на нечто неожиданное, но грядущее. Атмосфера стала тяжёлой, словно сам дом уже знал, что предстоит нечто необратимое. Именно в этот момент я осознала, что не одна, и что кто-то или нечто наблюдает за мной через самите тези фотографии.

Среди всех этих артефактов взгляд мой остановился на одном необычном кадре. Старая женщина индейского происхождения, с лицом, исписанным прожитыми годами, которые я тогда не могла прочесть, смотрела на меня с выцветшей фотобумаги. Она была одета в кожу, в мокасины, украшенные бусинами и бахромой, спускающейся на грудь как шелестящая каскада из нарезанной кожи. Черты её были твёрдыми, грубыми, исполненными мудрости. Она смотрела на меня со спокойствием, заставившим меня замолчать внутренне, остановить даже ход мыслей. Это никак не могла быть фотография родственницы или что-то связанное с нашим скромным европейским происхождением. И всё же я не могла отвести взгляд.

Тогда наступило то первое, неясное пульсирование в висках. Глухой удар чужой крови, как биение сердца, которое не моё. И будто воздух между мной и изображением начал дро-

жать, терять плотность, превращаться в полупрозрачную вуаль. Взгляд женщины буквально ожил. А я в этот момент... у меня не было времени на страх. Не было времени сказать себе, что это нелогично, нелепо, невозможно. Реальность просто растаяла вокруг меня, как озёрный лёд под весенним солнцем.

Я почувствовала тело, которое не было моим. Мои руки стали сильнее, более оформленными, с отчётливо видимыми венами, и двигались в такт моему дыханию. Я посмотрела на водную поверхность какого-то глиняного сосуда и увидела отражение, которое меня оледенило: индейка была мной. Но не мной-ребёнком. Я была женщиной. Я — да, но такой, какой мне ещё только предстояло стать. Глаза были мои, лицо — моя проекция, но вылепленная опытом, страданиями и годами, которые ещё впереди. На миг я не понимала, я ли это или какое-то чужое существо полностью поглотило меня.

Я сидела на полу в вигваме из кожи и деревянных прутьев. Всё вокруг пахло дымом, выделанной кожей и отваром лечебных трав. Рядом со мной две женщины тёрли кремнями бизонью шкуру с длинной, грязной шерстью. Я повторяла движения, которым не могла быть научена, но руки выполняли их инстинктивно, будто я родилась для этого. В ушах звучали чужие голоса, мелодия языка, который логика отказывалась принимать, но сердце узнавало. Я была с ними, частью их общности. Я была в их этнической группе. Я была ею. И меня звали Онайда, что, как я знала, значит «гор-

дая женщина». Даже имя племени было подобно. Это Племя гордых. Откуда я могла это знать до сих пор неясно. И тогда воздух разорвался от пронзительных криков. Сначала один, острый, отчаянный, разрезавший тишину. Потом множество воплей, писков, гомона, хаоса и топота. Дети плакали, женщины звали имена своих чад. Кто-то закричал про оружие, про мужчин, про огонь. Я вылетела наружу или скорее эта взрослая, воплощённая версия меня вырвалась из вигвама, пока моё сознание оставалось приклеенным внутри неё, запертым в другом теле.

Сцена, что меня встретила, была чистым боевым ужасом. Мужчины с раскрашенными лицами, с перьями и копьями, вооружённые ножами и луками, нападали на селение. Воздух рвался от свиста стрел, пламя пожирало крыши кожаных жилищ. Я слышала собственный голос. Этот чужой, но уже и мой голос, умоляющий о помощи, призывающий стихии, проклинаящих нападающих. Кто-то рухнул совсем рядом с хриплым стоном.

Это был мужчина со стрелой в горле. Горячая кровь брызнула на мою кожу, оставив отпечаток чужой смерти на моём женском восприятии.

В этот критический миг некая невидимая сила, как огромная ладонь, схватила меня и рванула назад с такой внезапностью, что весь мир превратился в мгновенную магму из материи и протуберанцев. Меня унесло назад, через эпохи и непроглядную тьму, чтобы я снова оказалась на полу в

своей комнате, задыхающаяся и дрожащая. Фотография всё ещё была в моих руках. Но изображение изменилось. Индейка из племени гордых исчезла. Вместо неё на бумаге стояла женщина с моим лицом. Моя более зрелая версия, с тем же взглядом, который она видела в глазах неизвестной Онейды мгновение назад. Тогда впервые потекли мои слезы. Но не от первобытного страха, а от того тяжёлого, удушающего прозрения, что моя жизнь изменилась завинаги. Что я переступила порог, чья природа мне была непонятна, но я чувствовала, что никогда больше не смогу вернуться обратно.

После этого случая пришли и другие, спонтанные «вхождения». Они не несли той же эмоциональной тяжести, но каждое было очередным доказательством, что это происходит и именно со мной, а не с кем-то другим. Доказательством, что это переживание не было единичным инцидентом, а каким-то специфическим духовным даром. Порталом к границам времени и пространства, недоступным большинству людей. Воображаемо-мистическим входом, который, однажды открывшись, никогда не запирается окончательно...

Клиент

...Когда вход в хранилище распахнулся, внутрь ворвались не просто световые лучи. Они разлились, как прибывающая вода, проходящая сквозь щели пространства, подобно грубому порыву, вырывающемуся из-за пределов общепринятой реальности.

Теперь, спустя столько лет, я привыкла к этому мутному, серому воздуху, к той пыли, которая не просто пыль, а остаток будущего, распавшегося, даже не успев стать живым. В этом депо свет не приходит сам. Он возвращается откуда-то, как воспоминание, отказывающееся быть стёртым, как тени, вращающиеся вокруг забвения. Но в этот раз было иначе. Свет вёл себя как нечто живое, нежное, тоскующее по образу, в котором мог бы отразиться.

Мужчина, переступивший порог, не походил ни на посетителя, ни на клиента. В его присутствии ощущалось нечто вроде фотографического отпечатка, постоянное напряжение между увиденным и потерянным. Он не был духом, скорее ясным и открытым актёром, последним кадром перед тем, как плёнка полностью сгорит. Часто думаю, что те, кто переступает этот порог, приносят не только личные данные. Они приносят свою собственную экспозицию, серебряную эмульсию, которая их формирует, мысли, которые всё ещё их преследуют. Этот человек выглядел так, будто его снял плохой

фотограф, уловивший каждую его мысль, каждую частицу времени, не дав ему вдохнуть. Его волосы были пепельными не от старости, а словно от тысяч преобразований, истончавших и высасывавших его. В глазах скрывался полумрачный отблеск, в котором собирались отражения исчезнувших лиц и забытых рассказов. Его взгляд был мягким, внимательным, будто он боялся разрушить реальность, которую так усердно поддерживал. В нём было что-то от человека, знающего, что любое движение может оборвать тонкую нить бытия. Наблюдая за ним, я начала верить, что люди не стареют. Они просто собирают кадры внутри себя. Каждый воспоминание новый негатив, через который наш образ становится всё более размытым, всё более далёким. Его лицо напоминало кадр, в котором все этапы жизни существуют одновременно, как видение вечности. Пыль между нами поднималась, как дым ушедшего времени, и на миг мне показалось, что это не он вошёл сюда, а я вернулась в какую-то старую фотографию, где что-то всё ещё существует. Назвала его про себя одним из тех имён, которые исчезают сразу после произнесения, как след ветра, растворяющийся между пальцами. Я не удержала имя, но запомнила ритм: короткий, прерывающийся, как шёпот, спотыкающийся о тишину.

Фотография скользнула по столу без звука, без приглашения. Чёрно-белый кадр, с краями, будто высеченными самим временем, древним разбитым часовником. Лицо было неясным не из-за ошибки, а из-за движения светотени, не

терпящей удержания. Оно выглядело как миг, поделённый с миром, который вспышка успела запечатлеть. В нём ощущалось что-то мучительно знакомое. Невидимое сходство, вибрация, звучащая во мне как забытый звук, как мгновение, прошедшее через мои чувства и просящее быть уловленным.

Я поняла, что смотрю не просто на образ, а на пульс другого сознания, заключённый в бумаге, ожидающий того, кто сможет его прочесть. Глаза женщины тихо трепетали, как сердце, содержащее целую историю без слов, без рассказа. Только амальгаму, удержавшую её. Я посмотрела на мужчину и в его глазах увидела тихое принятие, не ищущее понимания, а просто присутствие.

— Это она? — спросила я.

Он покачал головой, и взгляд его сказал больше слов:

— Я нашёл её в ящике со старыми газетами много лет назад. Не смог выбросить.

Его голос слегка дрожал, как извинение, как тяжесть за нечто, что он никогда не намеревался создавать, чтобы потом объяснять. Я подтянула снимок к себе, приняла отпечаток прошлого, которое не стирается просто так. Влажная бумага, на которой время оставило следы, как незаживающие раны. Лицо женщины размывалось, словно живое, в переливающейся фотобумаге с оборванными краями. Каждый угол излучал разную эмоцию, разную историю, которую невозможно было выразить полностью. В ней скрывалось что-то болезненно знакомое. Невидимая связь, вибрация, резони-

рующая во мне как давно забытый звук, как миг, прошедший через мою сущность, чтобы быть уловленным.

В этот миг я поняла, что созерцаю не просто изображение, а пульс сознания, заключённого в бумаге, ожидающего наблюдателя, способного увидеть не только лицо, но и пространство между мгновениями. Между теми двумя секундами, напоминающими даже имя моего кота: Тик-Так. Возможно, так звучит и моё имя, когда кто-то произносит его во сне... слегка растянуто, колеблющееся между смыслом и смятением. Вибрация, не принадлежащая ни речи, ни тишине.

— Вы хотите, чтобы я узнала, кто она? — тихо спросила я, не поднимая глаз.

— Нет. Я хочу понять, почему не могу её забыть. — Его голос рассыпался как тонкая пыльца, не желающая соединяться. В нём была печаль, признание в незнании, которое не нуждается в объяснении.

Я вспомнила Илью, обещавшего привести кого-то, но так и не появившегося. Его вечерний голос, в котором цинизм превращался в глоток заботы:

«Иногда люди приносят внутрь фотографии, которые еще не сделаны.»

Тогда это казалось красивой метафорой. Но теперь, глядя на мужчину и фотографию между нами, я поняла, что он имел в виду. Мы не находим фотографии. Они находят нас. Они ждут своего наблюдателя, как видение ждёт того, кто

его увидит. Как только взгляд появляется, всё оживает. Прошлое не умирает, оно просто ищет новые глаза, чтобы снова дышать.

Мужчина продолжал смотреть на кадр, будто боялся, что если отведёт взгляд, он растворится. А я, что если посмотрю ещё секунду, он заговорит. Он молчал, пока я изучала черты её лица, словно каждая линия была фрагментом забытого события. В её глазах была эмоция, которая не была ни печалью, ни виной, а тяжёлым отсутствием, которое не давит, а проходит сквозь тебя, как вода, которую невозможно удерживать, но чьё изменение ты ощущаешь в себе.

Я снова посмотрела на клиента. Я увидела, что и он чувствует это тихое движение, этот невидимый прилив, приходящий из времени, которое никогда не принадлежало полностью ни нам, ни женщине на снимке.

— Испытывали ли вы когда-нибудь чувство, что не вы смотрите на фотографию, а фотография — на вас? — спросила я.

Он неуверенно улыбнулся, но в глазах его читалось понимание:

— Думаю, поэтому я здесь, — тихо ответил он. В этой короткой фразе была тяжесть чего-то, что долго ждало, чтобы быть произнесённым, но не имело имени.

Я вернула взгляд к фотографии. Лицо женщины не было статичным. Оно дрожало лёгкой вибрацией времени, остановившегося, чтобы быть замеченным. И я снова убедилась,

что это не просто образ. Это было пространство, которое манило меня, звало войти, слиться с этим отсутствием, которое на самом деле было присутствием. Пространство между нами сгущалось, время сжималось, а свет, падающий на снимок, искривлялся, чтобы сохранить каждое мгновенное изменение в её глазах. Мужчина рядом был не просто клиентом. Он был свидетелем того, что происходило за пределами видимого.

Я слегка наклонила фотографию, чтобы поймать отражение лампы на глянце. Свет стекал как живая энергия, не чтобы осветить её, а чтобы открыть. И тогда я почувствовала то тонкое, почти осязаемое смещение внутри себя, как когда сон отказывается заканчиваться. Воздух изменился, стены замолчали, часы перестали существовать. Я не была уверена, нахожусь ли ещё в комнате или уже стала самой фотографией, растворённой в бумаге, в серебряных солях пыли.

Женщина на кадре смотрела на меня. Её глаза будто открылись в бесконечность, в воздух без границ. Это было тепло, которое не приходит откуда-то, а просто разливается. Не было слов, не было послания — только чистое ощущение. И где-то глубоко, там, где воздух встречает мысль, я услышала её голос. Не звук, а дрожащую мысль, пришедшую изнутри, через кровь, через память, через то, что невозможно запомнить:

«Мира.»

Произнесённое мягко, почти нежно, не по-человечески

нежно. И в этот момент я поняла, что это не она произнесла моё имя, это я сказала его в её сознании.

Разница исчезла. Свет больше не исходил от лампы. Он исходил изнутри, из самой фотографии.

Мужчина стоял неподвижно, будто не хотел нарушить магию. Потом медленно поднялся, как человек, покидающий место, где слова излишни:

— Я вас оставлю, — тихо сказал он. — Если найдёте что-нибудь, что бы то ни было.

Он протянул мне маленькую визитку, матовую, без украшений. Только имя, телефон и символ в углу, напоминающий песочные часы. Я взяла её, будто она была тяжелее, чем казалась.

Когда дверь щёлкнула, комната вздохнула. Тишина вернулась, сохранив то сбалансированное спокойствие, которое только архивы умеют хранить, тонкое, пыльное, вечное.

Я повернулась к фотографии. Там, где я её оставила, она уже выглядела иначе. Будто устала от моего внимания или решила снова скрыться за занавесом реальности. Я попыталась «войти» снова, перейти границу, как минуту назад. Прищурилась. Вдохнула. Прижала пальцы к бумаге, чувствуя её холод, её пористую поверхность. Но ничего не произошло. Только мой собственный пульс стал земным, человеческим.

— Хорошо, — сказала я. — Попробуем в другой раз.

Я аккуратно вложила фотографию в конверт и положила

в сумку, между блокнотом и старым ключом. Рядом с тем ржавым антикварным предметом, который я так и не смогла выбросить. Когда я выходила, лампы мигнули, будто не хотели меня отпускать. Снаружи воздух был тяжёлым и неподвижным. Тяжесть фотографии в моей сумке была больше, чем я ожидала.

«Домашнее задание», — прошептала я.

Но в этих словах было что-то злов будущее, будто дом уже не был местом, а памятью, ожидающей восстановления через чужие взгляды...

Визии

Каждый из нас как разбитое зеркало, в котором отражаются бесчисленные образы. Это абстрактная истина, осознанная или неосознанная, как тайна, шепчущая в тёмных коридорах сознания. Шизофрения не болезненное состояние. Это особая способность. Возможно, самая непонятная, самая прекрасная и самая опасная из всех возможных. Способность быть больше чем одним «Я», носить в себе множество разных жизней, множество точек зрения, количественных ощущений, которые не согласуются друг с другом, но существуют одновременно.

Когда я всматриваюсь в фотографию, я не просто вижу её глазами. Я прохожу сквозь неё, как через портал в другое измерение, как через зачарованное зеркало, которое не разбивается, а вогнуто расширяется. Я вхожу раздвоенной, но целой, растворённой, но собранной в своём умноженном сознании. Это как почувствовать запах дождя до того, как он начнётся, или знать, что мир полон невидимых ящиков, которые только ты можешь открыть. Это не логика, а внутренняя интуиция. Будто веришь, не спрашивая почему, как веришь в невидимые паутины времени, сплетённые кем-то, пока ты не смотрел. Часто это происходит без предупреждения. Я вижу лицо и в тот же миг чувствую, как другая женщина начинает жить во мне, или я — в ней. Я не призрак, а

тихий резонанс, как струна, вибрирующая в бесконечности моего и её сознания. Её взгляд становится моим, её мысль, её боль, всё это приютяется во мне на мгновение, как переливающаяся вода, которая затем исчезает, оставляя лишь воображаемый след, как подсказку, как тень неуловимой истины.

Психиатры назвали бы это диссоциацией, а я называю это «входом». Или точнее — «сопричастным прохождением» через чужие миры, как через двери, которые всегда открыты для меня. Или не всегда, но при определённом условии. Я не слышу голосов, у меня нет галлюцинаций. Я просто вхожу и выхожу из сущностей, как человек, который открывает и закрывает замки в одном и том же доме, не замечая, что каждая встреча оставляет тонкие трещины на стенах реальности. Из них начинают вытекать другие реальности, другие возможности. Может быть, мы все такие: растрескавшиеся, с прорезями, через которые мир зовёт нас? У некоторых из нас есть ниспосланный дар смотреть сквозь них, другие покрывают их лаком нормальности, которая столь же субъективна, как игра чисел и статистик, определяющих нас как общность, а не как индивидуальность. Где-то я прочла, что сознание это персональный фильм, проецируемый изнутри наружу, только для одного зрителя. Если это так, то я и зритель, и режиссёр, и камера. Всё в одном личностном целом. Я не страдаю от раздвоения или шизофрении, а от расширения сознания. Во мне живут все, кто когда-либо был, и те, кто ещё родится. Ещё немного — и я соглашусь с Ричардом Бахом, утвер-

ждающим, что каждый был каждым, и будет снова и снова, в тысячах своих метафизических воплощений.

Когда я прохожу через фотографию и «вхожу» в неё, это не простое движение. Это как плавание в мягком и тёплом, но непредсказуемом абстрактном море. Запах меняется. Иногда он как старая мистика, или пахнет забытыми книгами, кровью и летом, которое ещё не закончилось. В каждом кадре есть замочная скважина, и я та, кто знает, как её открыть. Я знаю, что если скажу это незнакомому человеку, он посмотрит на меня тем особым испуганным взглядом, скрытым под маской сожаления. Но я не больна галлюцинациями. Больны те, кто видит в зеркале только своё лицо и верит, что это вся их вселенная. Возможно, шизоидное состояние просто другой способ запомнить себя во всех своих версиях, во всех своих видениях. А может быть, это особое состояние мост, по которому души узнают друг друга, когда мир замолкает...

Возвращение образа

Прихожая была маленькой, создавая ощущение тепла и наполненная запахом ванили. Теодора всегда приносила такие свечи, утверждая, что жилище без аромата, как личность без воспоминаний. Мы сидели на полу, босиком, с бокалами вина в руках, разговаривая обо всём и ни о чём, от последних течений в изобразительном искусстве до её неудач в личных отношениях, пока разговор неизбежно не доходил до профессора.

— Ты как героиня какой-то сказки, Мира. Только вместо принца рядом с тобой какой-то полубог с фотоаппаратом, — поддела меня Теодора, отпивая вино.

— Прошу тебя, Тео, не надо. Это прошлое. Я больше не хочу к нему возвращаться.

— Поняла, поняла. — Она улыбнулась. — Не буду настаивать.

Из телевизора лился неясный голос, часть какого-то репортажа о международном фотосалоне в Берлине. Я почти не обращала внимания. Но вдруг почувствовала, что Теодора застыла рядом. Её зрачки расширились.

— Мира, — прошептала она. — Думаю, тебе стоит посмотреть.

Я обернулась. На экране сиял огромный кадр. Фотография. Моя фотография. Я была запечатлена в той самой позе

из ателье, окутанная тканью, которая скорее подчёркивала, чем скрывала. Освещение было тем же мягким и таинственным, но всё выглядело иначе более чувственно, глубже.

Под изображением появился надпись:

«Первая премия профессору Адаму Валбергу. Композиция под названием: „Фигура как воплощение памяти“.»

Глоток вина застрял у меня в горле. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица, и ощутила холод, хотя сквозняка не было.

Теодора попыталась что-то сказать, но я уже стояла. Резко, почти рефлекторно, я выключила телевизор. Повернулась к ней и тихим, но твёрдым голосом сказала:

— Останься здесь. Мне нужно идти.

— Куда?

— Забрать обратно свой образ. И свою жизнь.

Не помню, как оделась, взяла ли ключи. Помню только, как шла по университетскому коридору, освещённому неестественно яркими лампами, будто двигалась во сне.

Дверь его кабинета была приоткрыта. Он был внутри и говорил по телефону. Завидев меня, оборвал разговор.

— Мира, — начал он, но я перебила:

— Почему ты сделал это без моего ведома? Даже не спросил?!

— Это было искусство, — в его голосе прозвучала неуверенность. — Ты была моим вдохновением. Я не смог устоять.

— Не смог? — повторила я. — Не смог не предать чело-

века, который тебе доверял?

Последовала долгая пауза. Он опустил взгляд.

Я вздохнула:

— Больше нам не о чем говорить.

На следующий день я подала заявление об отчислении из института. Не стала ждать его реакции. Просто оставила студенческую книжку, пропуск и всё остальное позади. Несколько недель спустя я уже работала в хранилище Художественной академии.

Запах старых фотоматериалов и проявителя действовал на меня успокаивающе. Никто не задавал вопросов, никто не наблюдал. Здесь видения не выставлялись, они просто дремали.

Я подумала:

«Может быть, это моё место. Там, где изображения не говорят, а просто ждут, чтобы кто-то их разбудил.»

Профессор

День был обычным, почти скучным, пока я не услышала то медленное, неуверенное постукивание в дверь. Никто так не стучал. Все остальные звонили внизу и говорили со мной через домофон. А тот, кто стучал сейчас, был чем-то иным. Да, никто не стучит так. Никто, кроме человека, который уже проиграл половину битвы, ещё не начав её.

Я открыла. Сначала увидела розы. Потом его руки, слегка дрожащие то ли от нервов, то ли от старости. И наконец — лицо профессора Адама Валберга, осунувшееся, побледневшее, почти человеческое.

— Мира, — голос его был хриплым. — Можно поговорить?

— Не дальше прихожей! — мой тон был стальным лезвием. Я не пригласила его внутрь. Не его. — Входи! Но только до ковра.

Полное унижение. Он переступил порог, как виноватый ученик, знающий, что директор едва его терпит. Встал неловко, протягивая букет вперёд.

— Я думал, тебе понравятся цветы.

— Понравятся, — спокойно сказала я. — Когда они в чужих руках и на чужом пороге.

Он не ответил. Хотел говорить, но слова застряли, как кость.

— Мира, — он глубоко вдохнул и посмотрел на меня теми глазами, которые когда-то были властными и холодными, а теперь — уставшими, кроткими и испуганными. — Я пришёл попросить тебя выйти за меня.

Тишина, последовавшая за этим, разнеслась по стенам как удар. Потом я тихо рассмеялась. Коротко. Жёстко. С открытой неприязнью.

— Ты сумасшедший. Правда?

— Нет, — покачал он головой. — Я прекрасно понимаю, как это звучит, но...

— Нет, не понимаешь, — перебила я. — Если бы понимал, не стоял бы сейчас в моей прихожей, как идиот с букетом, после того как так тщательно разрушил мою жизнь, как другие раскладывают гербарий или коллекцию марок.

Он наклонился ко мне:

— Мира, судьба дала мне время подумать. И я понял, — голос его дрогнул, — что ты единственная женщина, которую я когда-либо любил. По-настоящему.

— Ты? Любил? — мои глаза сузились ядовито. — Ты не любишь, Адам. Ты властвуешь. Используешь. Преподаёшь мораль другим, пока сам топчешь её самым грубым образом.

Он сглотнул и сжал розы так, что шипы впились в кожу. Капля крови упала на пол.

— Я знаю, что причинил тебе боль. Но я хочу... хочу исправить... искупить...

— Искупить? — я подняла бровь. — Что именно? Тот

позор на мировой выставке? Те снимки, которые сделали из тебя звезду, а из меня — тихую обнажённую исповедь перед сотнями чужих глаз? Или то, что ты лишил меня диплома? Что выгнал меня из университета?! Я ушла добровольно, да, но под насмешки и позор, запах которого я чувствую до днес.

Он пошатнулся, будто мои слова ударили его физически:
— Мира, я тогда... — он отвёл взгляд. — Я был другим человеком.

— Нет, — холодно ответила я. — Ты был тем же. Просто моя молодость не видела этого.

Прошла долгая секунда, прежде чем он заговорил снова:
— Я хочу, чтобы ты меня выслушала. Только это. Я один. Слишком один. Всё, что я накопил, имущество, ателье, коллекции — всё бессмысленно. А тело моё... — впервые я увидела стыд в его глазах, — ...оно уже не работает как прежде. Я не буду лгать. Я не ищу жену в постели. Я ищу душу, которая будет рядом. Я ищу тебя.

Я прикрыла глаза на мгновение. Потом сказала тихо, но смертельно точно:

— А твои дети? Твои три брака? Женщины, которых ты разрушил так же, как меня? Им ты тоже рассказывал эти красивые сказки о судьбе и единственной любви?

Он неловко пошевелился, почти виновато, и едва не заплакал:

— Сейчас всё иначе.

— Иначе — только в твоей голове, — уверенно сказала

я. — Твои дети стали бы нищими, если бы ты завещал всё мне. Какой бы юрист ни обещал тебе «быструю поправку на следственных условиях», он тебя обманул. Это несправедливо. Это нечестно. И я не буду в этом участвовать. И запомни: я не продаюсь. Нет таких денег и имений в этом мире, которыми можно меня купить.

Он попытался дотронуться до моей руки.

— Прошу тебя, Мира! Дай мне шанс!

Я отдёрнула руку.

— Уходи, профессор. Мне не нужны ни твои деньги, ни твои старые раны. И я не хочу быть женщиной, которая закроет тебе глаза. Я этого не заслужила. А ты этого не заслужил.

Я повернулась к двери, распахнула её и указала наружу:

— Уходи. И не возвращайся. Никогда. Ни по какому поводу.

Он постоял ещё минуту. Больше не было слов. Не было мужества. Только тихая, уставшая печаль. Потом, ничего не сказав, вышел. Дверь закрылась за ним медленно, тяжело, будто сам мир мешал ей щёлкнуть.

Осталась одна в прихожей. Дышала тяжело, но впервые за столько лет полностью свободно.

Теодора и Илья

...В маленьком кафе возле забытой библиотеки, спрятанном как секретная квартира в глубине старого квартала, сидели двое, которые знали, что это место существует больше в их сердцах, чем в GPS навигаторах такси. Как маленький оазис среди пустыни забвения, оно было там, когда им нужно было говорить о ней. О той невидимой ткани, что связывает миры и ищет ответы нестандартным способом. Снаружи дождь барабанил, как запылённый метроном, давно потерявший свой ритм, а внутри воздух пах кофе, усталостью и старостью, которая ещё не сдаётся. Илья держал чашку обеими руками, словно участвуя в священном ритуале, а его голос нес тяжесть глубоких тайн, скрытых за фасадом обыденности:

— Иногда мне кажется, что она живёт на краю невидимой бездны. Никто другой её не видит, но я чувствую, что ей страшно. Мне страшно. Боюсь, что упаду в ту же бездну, которую она сама создаёт.

Теодора посмотрела на него с мягкостью, в которой было больше сострадания, чем иронии:

— Ты боишься за неё или боишься её?

Илья замолчал, будто пытаясь уловить звук собственных мыслей. Он посмотрел в окно, где его отражение сливалось с проходящими тенями, блуждающими как потерянные души:

— Боюсь того, что она делает. Она ничего мне не говорит, ничего не обещает, просто смотрит взглядом, который как закрытый сейф. Она заставляет меня чувствовать себя человеком, забывшим, как правильно существовать, будто я потерял ключ к самому себе.

— Ты любишь её ещё со студенческих лет, — тихо заметила Теодора. — Но никогда ей в этом не признавался, правда?

Илья тяжело вздохнул:

— Как? — спросил он, словно держал в руках невидимую штангу. — Она не принадлежит никому. Она ничья собственность, даже не своя. Но мне кажется, она догадывается о моих чувствах.

Теодора тихо рассмеялась, почти как лёгкое трепетание воздуха:

— Знаешь, Илья, в этом и парадокс. Мира как светлячок, живущий в других вымышленных измерениях. Она не отвергает, просто не опускается до уровня наших желания. Она не холодная и не недоступная — она просто из вселенной, о которой мы не имеем понятия.

Он наклонился вперёд, будто хотел услышать лучше:

— Ты знаешь её с детства. Скажи, был ли у неё когда-нибудь мужчина? Настоящий, нормальный, реальный? Может, она обожглась и теперь стала недоверчивой?

Теодора медленно крутила ложечку в кофе, словно пытаясь найти ответ в её танце. Потом подняла взгляд и сказала:

— Не знаю. Был какой-то профессор из академии. Она воспринимала его как нечто, что может обладать и обладать ею. Но он её не понял, потому что она отражение, а не просто женское тело. Свет нельзя коснуться, не обжёгшись, а она как пламя, которое даже тлея, не гаснет.

— Значит, между ними ничего не было? — тихо, с надеждой спросил Илья.

— Только недоразумение, что она может быть чьей-то собственностью. Это, кажется, всё. — Теодора замолчала. В её глазах горела печаль, как последний огонёк. — Мира и ты — одни из немногих, кто всё ещё хранит внутри себя что-то нетронутое. Не потому что вы боитесь, а потому что в ваших душах есть какая-то живая святость.

Илья опустил взгляд:

— Святость тяжело носить.

— Знаю, — ответила молодая женщина. — Но, возможно, это единственная настоящая форма любви, которую Мира когда-нибудь сможет понять...

Воспоминание о другой жизни

...(Звук ключей, лёгкий щелчок и запись включена):

— Тик-Так, ты чувствуешь, как это странно?

(короткая пауза, кот двигается)

Я уже не представляю вечеров без него. Не потому что жду, а потому что знаю, что он будет там. Садится на скамейку, как статуя, высеченная из привычной небрежности. Всегда приносит розы. Каждый день разные. Красные, белые, абрикосовые, однажды даже зелёные.

— Кто вообще достаёт зелёные розы, Тик-Так?

(тихое мурлыканье)

Да, я тоже так думаю. Только тот, кто верит, что чувства можно перекрасить, способен питать такие иллюзии.

Каждый вечер одна и та же сцена. Я вижу его издалека: сидит с видом учёного, который будто извиняется за то, что ещё жив. Завидев меня, встаёт, поправляет пиджак и идёт ко мне своим медленным, осторожным шагом, словно каждое движение требует контроля. А я просто прохожу мимо. Ни слова. Ни объяснения. Прохожу, как мимо старого здания, когда-то красивого, но давно ненужного.

Потом, знакомый шелест. Цветы, вставленные в прорезь почтового ящика. Точно по центру, как знак, что он был здесь. Иногда, если возвращаюсь поздно, они уже стоят там. Всегда идеально упакованные, с лентой. Он педант даже в

своей обречённости.

(приглушённый смех)

Знаешь, почему в гостиной всегда стоят розы, Тик-Так? Не потому что я люблю цветы. А потому что выбросить их кажется грубее, чем поставить в вазу. Так выглядит менее варварски. Будто это экспонаты в музее отношений, которые так и не состоялись. Иногда думаю, что расставляю их не ради него, а чтобы напоминать себе, насколько непреклонным может быть человеческий отказ. Не враждебность. Не холод. Именно отказ.

Он приходит каждый вечер, чтобы получить моё очередное «нет». Без слов, без конфликта, без драмы. Просто жест. И этого ему достаточно, чтобы продолжать. Возможно, так выглядит любовь, вынужденная существовать в одиночестве. Без ответа. Без развития. Без цели. Просто рутина, похожая на запах цветения.

(тишина, мягкие шаги кота)

— Вот почему, мой друг, наша гостиная всегда пахнет свежими букетами. Не потому что нас обожают, а потому что кто-то не может остановить эксперимент.

(щелчок — запись остановлена)

...Я положила диктофон на стол. Тишина поглотила меня вместе с ощущением утекающего времени. Ночь висела за стеклом, как старый знакомый, ожидающий, чтобы его выпустили. Я вынула фотографию из сумки. Бумага дрогнула, будто дышала.

В этой густой тишине можно было услышать, как сама тишина имеет пульс, тихий, медленный, ровный. Лампа над головой мерцала, создавая иллюзию, что свет не просто освещает, а наблюдает. Я всмотрелась в женщину на снимке. Неподвижную, но существующую вместе со временем внутри кадра. Её лицо имело то мягкое сияние старых фотографий, когда свет задерживается дольше, чем положено.

И тогда началось изменение. Сначала губы. Потом скулы. Линии лица слегка сместились, будто время вспоминало другую форму под этой.

Мою.

Зрачки расширились, как вода, вливающаяся в другую воду. Меня потянуло — знакомое ощущение сна, который не отпускает. Воздух изменился. Исчез запах моей комнаты. Я вдыхала пыль и засохшие чернила. Оказалась в комнате, которую никогда не видела, но знала до боли. Полупрозрачные занавески. Тяжёлая швейная машина со скрипящим педальем. На стене портрет строгого мужчины в форме. А в зеркале другое лицо. Моё, но чужое.

— Да, я Элица Маркес, — прошептала. — И сегодня шестое июня.

Мой голос был грубее, насыщеннее, с привкусом сигарет и меланхолии.

Дверь приоткрылась. Вошёл мужчина в пепельно-серой куртке, с взглядом, несущим тяжесть мировых забот без приговора.

Андрей Колбейн.

Офицер, который умеет командовать, но не умеет любить.

А я женщина, которая не умеет ждать, но не может перестать.

— Я уйду, — сказал он, не глядя на меня.

— Куда? — спросила я, хотя знала.

— Туда, куда письма больше не доходят.

Наступила тишина. Та, в которой умирают все нужные слова. Он положил руку мне на плечо, тёплую, настоящую.

— Если вернусь помни, что я был молод и любил тебя. Если нет, забудь меня, Элица!

— Я не могу.

Всё завертелось. Запах пыли. Шаги по деревянному полу. Гаснущий дневной свет.

Потом снова моя комната. Мой стол. Фотография. Но теперь женщина на ней имела моё лицо. А в углу едва заметная надпись:

«А. Колбейн, июнь...»

Я сидела неподвижно. Тик-Так спал. Но впервые мне казалось, что слышу не кота, а свидетеля.

Я набрала номер:

— Слушаю.

— Господин Колбейн?

— Да. Кто говорит?

— Мира Вален. Из архива. Вы приносили мне фотографию...

— Да! Вы нашли что-то?

— Нашла. Или, скорее, вспомнила.

— Что вы имеете в виду?

— Скажите сначала ваше полное имя.

— Александр Колбейн.

— Ваш дед был Артур, верно?

— Да...

— А его брат?

— Пропал на войне. Андрей.

— Женщину на снимке звали Элица Маркес.

И последний человек, державший её за руку, был Андрей Колбейн.

Тишина.

— Как вы это знаете?

— Я видела. Не на снимке. Во времени.

— Как она умерла?

— Не знаю. Я видела только момент расставания. Но думаю, она умерла от отсутствия любви.

— Имя «Элица», да, его иногда упоминали.

— Да. Элица осталась в вашем роде. А я просто прошла мимо.

— Могу я увидеть вас?

— Нет. Не сейчас. Лучше никогда. Это нездорово. Для вас.

Я отключила. Посмотрела на снимку.

Лицо моё.

А в углу почти стёртое:

«А. Колбейн, июнь...»

Доктор Елена Вальд

Её кабинет пах лавандой и непробиваемым спокойствием. Это было одно из тех тихих мест, где молчание превращается в скрытое откровение. Воздух будто застыл, словно сама концепция времени решила не тревожить никого. Уличный свет, проходя через полупрозрачные занавеси, создавал мягкий оттенок — тот промежуток перед полной темнотой, когда земля ещё не решила, осталась ли она в дне или уже вступила в ночь. Стены имели оттенок, который был ни серым, ни синим, промежуточный тон, позволяющий мыслям скользить свободно, не оставляя следов. На полках стояли книги без обложек, похожие на пациентов без ярлыков, но с содержательными досье. Их порядок следовал не теме, а высоте, будто этот порядок мог заменить отсутствие ясности в содержании. На столе стоял наполовину выпитый стакан воды, чья оставшаяся часть терпеливо ждала. В нём свет преломлялся, как маленький портал в другое измерение.

Доктор Елена Вальд сидела напротив меня, совершенно неподвижная, воплощая присутствие человека, который устранил необходимость в лишних жестах. Её волосы были собраны в свободный пучок, а глаза принадлежали к тем наблюдателям, которые смотрят не на тебя, а в пространство за тобой. Взгляд, от которого невозможно скрыться, потому что он ищет не ошибки, а истину. Говорят, что некоторые

люди слышат не слова, а воздух между ними; Елена была из таких.

Она молча наблюдала за мной, пока ритмичное тиканье настенных часов заполняло пространство между нами. Затем её голос прозвучал тихо, голос, который подошёл бы и монахине, и кардиохирургу:

— Расскажи, Мира, что именно тревожит тебя в твоих переживаниях?

Я посмотрела на стакан с водой. Внутри медленно плавала пылинка, как случайная мысль.

— Это не тревога, — ответила я после короткой паузы. — Я просто не уверена, укладывается ли это в рамки допустимого. Воспринимать других так глубоко, что на мгновение становиться ими. Без усилия. Как будто по принуждению. Как сон, который кто-то другой видит вместо меня.

Доктор Вальд не изменилась в лице. Лишь едва заметно подняла уголки губ:

— Нормально, — повторила она, будто пробуя вкус слова. — Знаешь, это самое обманчивое слово в нашем словаре. «Нормальное» — это статистика общего страха. Это средняя точка того, кем все боятся быть.

Я посмотрела на неё:

— А я не боюсь. По крайней мере, не этого.

Она кивнула:

— Конечно. Поэтому ты здесь. Большинство приходит, чтобы скрыть часть себя. Ты приходишь, чтобы вернуть то,

что оставила в других.

Её слова отозвались во мне. Я когда-то читала не помню где, что человек не единое сознание, а череда состояний, сменяющих друг друга, как приливы и отливы. Возможно, поэтому эти «переключения» казались мне изменением угла восприятия.

— Когда я смотрю на фотографии, — сказала я, — я чувствую себя приёмником и передатчиком. Что-то проходит через меня, но не принадлежит мне. Как чужой аромат, который я впитала, не заметив.

Елена откинулась на спинку кресла, скрестила руки и некоторое время молчала. Потом сказала тихо:

— Это не болезнь, Мира. Это усиленное восприятие. Одни называют его «шизоидным», потому что не понимают, что значит иметь чувства для разных уровней реальности. Другие называют это сверхчувствительностью, паранормальностью или даром ясновидения. Но воспринимать больше, чем большинство, — не ошибка и не аномалия. Просто труднее жить в среде, которая навязывает свою нормальность.

Она сделала паузу и продолжила:

— Один древний философ говорил, что сознание это поле, через которое вселенная начинает осознавать саму себя. Возможно, ты один из тех редких людей, через которых это самопознание проходит чаще. Да, это причиняет боль. Но не потому, что ты нездорова, а потому что ты открыта тому, что недоступно большинству.

Мне вспомнилось, как в детстве я пыталась ловить светлячков в стеклянную банку. Они всегда гасли внутри, как бы я ни старалась. Теперь я поняла: им не хватало воздуха, а свет нельзя удержать. Это сияние теперь имело иной смысл.

Мы сидели в тишине, плотной, размышляющей, не принадлежащей ни месту, ни людям. В ней была лечебная сила, как в момент, когда ветер замирает и тишина слушает сама себя. Я смотрела на воду в стакане. Поверхность уже не была гладкой. Отражение лампы дрожало, будто было живым.

— Больше переходов между слоями реальности, — произнесла я. — Звучит красиво, но и рискованно.

— Риск в непонимании, — спокойно ответила Елена. — Неосознанное принимает тебя такой, какая ты есть. Оно не критикует. Но подсознание может заставить тебя думать, что ты потерялась, хотя на самом деле просто зашла слишком глубоко.

Она скрестила руки:

— Разница между этими состояниями как между сном и кошмаром. Оба функции мысли, но одно встреча, другое — сопротивление. Ты не сопротивляешься. Ты встречаешься.

Я молчала. За стеной послышался едва различимый шаг, будто из другого времени.

— Знаешь, — сказала она, — когда человек расширяет границы восприятия, мир не меняется. Он просто перестаёт быть закрытым. Ты не «входишь» в других. Ты проходишь через проницаемый слой одного и того же пространства.

— И всё же, — прошептала я, — иногда это пугает. Я чувствую себя растянутой. Как струна, вибрирующая между двумя невидимыми реальностями.

— Это нормально, — ответила она. — Вибрация доказательство жизни. Страх — способ, которым чувства пытаются осмыслить сигналы эволюции.

Она продолжила:

— Кто-то сказал, что человек мост, а не цель. Мы создаем, чтобы переходить, а не стоять. Твой ум просто понял это раньше.

Я посмотрела на неё. Она была настолько уравновешенной, что мне захотелось довериться:

— Но если у меня действительно бесконечно много входов. Кто узнает, когда я «внутри», а когда «снаружи»?

Елена едва заметно улыбнулась:

— Возможно, никто. И, возможно, тебе не нужно знать. Мир открывается тем, кто перестаёт спрашивать, где он начинается и где заканчивается.

Снаружи начался дождь. Капли стекали по стеклу, как медленные мысли. Вода всегда находит путь, поэтому она была в центре древних ритуалов очищения и исцеления. Я поняла, что наш разговор не имеет начала и конца. Он просто существует, как мы, как время, которое течёт, даже когда мы его не чувствуем.

Доктор Вальд снова взяла блокнот. Её письмо было почти бесшумным, как прикосновение крыла:

— Спрошу тебя, Мира, — сказала она. — Если у тебя есть столько путей к реальности... может ли реальность иметь такие же пути к тебе?

Я не ответила. Просто закрыла глаза и почувствовала, что кто-то, из глубин сознания и подсознания, тоже смотрит на меня.

Под лупой...

Лекция

Первая лекция профессора ударила по мне, как молот по лбу. Даже сосед-студент толкнул меня локтем и прошептал, чтобы я закрыла рот, потому что выглядела загипнотизированной. Я помню почти всю его речь и, возможно, никогда её не забуду, потому что именно она стала причиной огромного поворота в моей жизни.

«Фотография как искусство присутствия». Проф. Адам Вальберг.

Он начал так:

«Один мудрец утверждал, что человек проживает жизнь в поисках могилы для собственного воскресения. А я скажу: человек с рождения ищет фотографа, чтобы увековечить себя на негативе. И потому, дорогие студенты, это часть метафизики трансцендентальной реализации Homo Ludens — играющего человека, который бесконечно разыгрывает своё существование перед ограниченной публикой. От рождения до червей или кремационной печи. Фотография странный организм. У неё нет мозга, но есть память. Она не понимает, но помнит, что вы думали в тот миг, когда кто-то нажимает кнопку вспышки. И если фотография имеет ничтожные бытовые применения, паспорта, документы, отпечатки на кружках и подушках, то наша задача с вами состоит в том, чтобы освободить её от этого статуса, вернуть ей достоин-

ство.

Моя основная работа показать вам, что с ней можно играть. Но не в бессмысленных реалии Homo Ludens, а в игре творчества, где человек становится единым с богами. Один безумный писатель сказал, что красота спасёт мир. Я скажу: да, если кто-то успеет её вовремя поймать. Иначе она обижается и превращается в мифологию. Какими бы меркантильными и практичными мы ни были, мы заканчиваем с ней, от первого крика до последней фотографии, которую кладут над эпитафией. Художественная фотография самая чистая форма игры. Она ведёт нас прямо в царство гения человеческой креативности, когда вы соединяете химию с метафизикой, с метакимией, если позволите мне иронию. Фотограф, это алхимик новой эпохи: он превращает не свинец в золото, а секунды — в вечность. Он смешивает не ртуть с серой, а блеск — с тенью. Результат поверхностно раскрывает реальность, но также показывает ложь, скрытую за нашими посредственными чувствами.

Мы начнём эту лекцию с изучения жанров, не как категорий, а как способов психологического влияния. Мы обсудим портрет как форму интимности; пейзаж как средство побега; натюрморт как метафору гурманства. И да, я знаю, что многие из вас дрожат в ожидании добраться до ню. Всё будет в своё время, потому что тело никуда не убежит. Оно просто ждёт, чтобы его увидели по-новому.

Но прежде мы научимся смотреть правильно. Потому что,

дети мои, девяносто процентов людей не видят, они только смотрят. Фотография, это искусство, но также способ видеть так, будто смотришь на мир в последний раз».

Пауза.

Профессор улыбнулся и поднял фотографию студентки прошлого курса:

— Видите? Это не девушка на пляже. Это доказательство того, что амальгама тоже хранит память...

...Но это было только начало. Он обладал феноменальной харизмой, огромным творческим импульсом и блестящей риторикой. В тот момент он приобрёл невероятно преданную поклонницу и союзницу — моё маленькое, скромное «Я».

Когда он пригласил нас вступить во внеучебный клуб художественной фотографии, я записалась первой. А когда мы собрались на первую встречу, он спросил, можем ли мы выпить кофе. Мы сидели в маленьком старом кафе, пахнущем настоящим кофе и сигаретным дымом десятилетней давности. На стенах висели чёрно-белые портреты. Лица, которые казались живыми. Каждая женщина на них смотрела не спрашивая, а зная.

Профессор Вальберг пил кофе и смотрел на меня с приглушённым любопытством, которое раскрывает больше, чем любой жест.

— Знаешь, Мира, — сказал он, — в хорошей фотографии нет случайностей. Но и полного контроля тоже нет. Настоя-

щий портрет, это исповедь, снятая за сотую долю секунды. Вопрос в том, готова ли ты быть настолько искренней?

— Не знаю, — призналась я. — Иногда я не уверена, кто я. В фотографиях я вижу столько лиц, что моё кажется лишь одним из них.

Он слегка улыбнулся, но не снисходительно:

— В этом твоя сила. Большинство пытается быть кем-то. Ты достаточно смела, чтобы быть каждым, всеми и собой. Но есть нечто, что ты всё ещё не показываешь. И это не из мира, это из тебя.

— Что вы имеете в виду?

— Уязвимость, — сказал он. — Это источник любого искусства. Поэтому ню — это меньше о теле и больше о присутствии. Полотно может быть кожей, но также тайной и эмоцией. Я не хочу раздевать тебя, Мира. Для меня ты создала образ, которого никто не видел. И теперь я хочу поймать то, чем ты была.

Я замолчала. Пространство между нами стало плотнее, не от напряжения, а от чего-то иного. Как зеркало, которое начинает отражать больше, чем должно.

— Я не уверена, что смогу, — сказала я наконец. — Я никогда не была... такой перед человеком. Ни перед объективом.

Он наклонился вперёд, его голос стал почти неслышным:

— Не всегда нужно пережить интимность, чтобы её излучать. Часто невинность самая сильная форма эротизма. Не в

том смысле, который любит навязывать общество, а как проявление красоты, не превращённой в эксгибиционизм.

Он откинулся назад:

— Подумай об этом. Мы создадим серию, где будет минимум наготы — только жест, ткань, свет и дыхание. Я объясню невежеству, что ню может быть исповедью, а не позой.

Я отпила остывший кофе и почувствовала его глубже, чем прежде.

И в тот момент я поняла, что он не обязан доказывать мне ничего.

Я уже согласилась, хотя не знала почему.

В студии

...(Кнопка запускает новую запись)

Снова вспоминаю Адама, простите, профессора. Одна эта мысль заставляет меня напрячься: насколько легко он мог завести меня в свою студию, раздеть и поставить перед камерой, которой не меньше сорока лет. Древний аппарат с профессиональным широкоугольным объективом. На самом деле я была не полностью обнажена, но чувствовала себя так, будто у меня нет кожи.

Всё началось с его голоса: успокаивающего, но настойчивого, как рука, которая не хватает грубо, а мягко тянет и ведёт. Студия была тёплой, затемнённой, с деревянной обшивкой, пахнувшей терпентином и воспоминаниями. В углу стояла складная ширма. Он отправил меня за неё «подготовиться».

Я медленно сняла одежду. Не потому что он давил, а потому что не знала, как себя вести в такой ситуации. Сначала блузку, потом брюки, затем бельё. Я стояла, не зная, куда деть руки. Нашла полупрозрачную ткань, не совсем шарф, но и не покрывало, и обернула её вокруг себя, надеясь, что она удержит часть моей сущности.

Он подготовил подиум — старый мрамор с трещинами, которые делали его величественным. Когда я вышла, он сказал тихо:

— Встань там. Просто будь.

И я стояла. Одна, с опущенными руками. Потом он слегка поднял мне подбородок. Никаких слов. Я была как живая статуя, а он подходил и переставлял моё тело, не произнося ни звука. Я слышала только: «щёлк, щёлк, щёлк...»

Потом он попросил меня сесть. Ткань скользнула по бёдрам, и я попыталась выглядеть расслабленной. Села так, как обычно сижу на фотографиях — одна рука на колене, другая на спинке стула.

— Отлично, — сказал он. — Теперь ляг!

Я растянулась на плюшевом диване, а ткань растворилась, как туман. Я не знала, что значит «сенситивная поза», но что-то во мне может, женственность, может, инстинкт, заставило меня слегка выгнуть спину, поднять руку над головой, приоткрыть губы. Он не сказал ни слова. Просто продолжал снимать.

В этот момент я не чувствовала стыда, а что-то другое. Будто играла роль, о которой не знала. Будто была картиной. Самой фотографией. Потом он отложил камеру. Подошёл к дивану, тёмно-зелёный бархат, слегка потёртые края. Он сел на спинку рядом с моей головой. И тишина стала плотнее всего остального.

Адам медленно приблизился, давая мне время подумать. Он не касался меня, а просто смотрел с такой интенсивностью, что это ощущалось как прикосновение. Он сел так близко, что я чувствовала каждое его движение ещё до того,

как он поднял руку.

Его ладонь скользнула по моему телу от волос к плечам. В его прикосновениях была уверенность, переходящая в навязчивость. Каждое движение было медленным, уверенным. Моё тело дрожало скорее от страха и напряжения, чем от удовольствия. Когда его губы едва коснулись моей шеи, я вся напряглась. Вдохнула резко. Колени ослабли от этого почти невидимого касания, которое говорило больше, чем я могла бы сказать. Потом его губы коснулись моих, впервые с нежностью и властностью одновременно, разрушив остатки моей сопротивляемости. Его рука медленно скользила вниз от шеи, пальцы рисовали ленивые фигуры на животе. Он знал, какие точки пробуждают реакцию у женщин. А я не знала ничего, ни хочу ли этого, ни что чувствую.

Ещё до того, как он коснулся меня по-настоящему, меня охватила холодная дрожь. Его близость двигала воздух вокруг меня. Будто его цель была именно в этом, в моменте, когда тело реагирует раньше разума. И он добился этого. Когда его ладонь задержалась у моей талии, я уже знала, что будет дальше. Его пальцы скользнули по внутренней стороне бедра, близко, но недостаточно. Это было не возбуждение, а готовность, напряжённая бдительность. Его руки продолжали медленно исследовать моё тело, будто проверяя каждую линию. С каждым движением напряжение росло, пока он не достиг самой сердцевины — шага, к которому я не была готова. Я напрягла каждый мускул, пытаюсь сопротивляться,

но оцепенела. И всё же, в этом странном, рассеянном мгновении я вдруг почувствовала себя глубже, чем когда-либо. Будто это состояние гипноза открывало меня самой себе.

И тогда я увидела его. Мужчину, который был мне одновременно близким и чужим. С его уязвимостью. С его человеческостью. И внезапно я поняла: дальнейшее зависит только от меня. Сердце билось слишком быстро. Мысли кружились, как в вихре. И решение пришло само: встать и уйти. Я поднялась. Оставила его. Вышла из студии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.